

В.И. Шамшури, Н.Г. Шамшурина

Об историко-цивилизационной и культурной роли философии в современном мире: Россия и Европа

Victor I. Shamshurin, Nina G. Shamshurina

On the historical, civilizational and cultural role of philosophy in the modern world: Russia and Europe

При рассмотрении взаимосвязи истории и культурно-цивилизационных процессов с философией предлагается типология из двух видов философии. Точнее – два вида философии справедливости – «эквиваленция» и «квалификация». Первая, к сожалению, наиболее распространенная в политике, особенно европейской, особенно евроатлантической, точнее – западной политике, является одной из существеннейших причин кризисов и войн как в истории, так и в современности. Именно она (эквиваленция), по сути, является синонимичной кровной мести (талиону), при котором воздаяние становится равноценно преступлению. В этом случае каждая из конфликтующих сторон выступает в качестве субъекта права и считает себя пострадавшей стороной. При этом одна из сторон (как это видно на примере Европы при изучении ее истории, особенно последние 500 лет колониальной истории) – только себя и считает еще и единственным источником нормотворчества в договорной системе координат. Что по факту ведет, без всяких исключений, в истории вопроса, а главное в настоящем – к умножению конфликтов и отказу от мирных переговоров в принципе. И прошлое, и настоящее политического и историко-цивилизационного, культурного развития человечества свидетельствует именно об этом. Это философия политического солипсизма. Квалификация или, как это называется в римском праве, «гуманная справедливость в пользу свободы», более соответствующая, как показывает опыт истории вообще и исторического развития России в частности, с ее многонациональным составом государственности, сохранившим в течение своего многовекового развития около 190 наций и народностей, исходит из того, что норма не релятивна и не конвенциональна. Она имеет аподиктические характеристики и предполагает долгий процесс публично-правового согласования репрезентативных баз данных в виде тех или иных социально-политических отношений (в том числе и конфликтных) в их соотношении с интересами конфликтующих субъектов и нормами, признание всеобщности и необходимости которых договаривающимися

сторонами является неременным условием выхода из любого кризиса. Это философия политического симфонизма и синергии. При соотношении философии и истории, философии и культуры следует иметь в виду, что она (философия) несет на себе прежде всего функцию воспитательного свойства. И вместе с тем функцию стратегического планирования. А не прогностическую функцию. В противном случае мы получаем то, что можно назвать «тоннельным» или, как сейчас говорят, «блоковым мышлением», не способным различать в долговременной, среднесрочной и даже в краткосрочной перспективе истинный и ложный виды прогресса, со всеми их последствиями в истории культур и цивилизаций. Или то, что можно назвать политическим солипсизмом, не способным ни к какому взаимодействию культур и переговорным процессам во внутригосударственных делах и международных отношениях.

Ключевые слова: история, цивилизация, культура, философия, политика, право, Россия, Европа, гуманизм, христианство.

When considering the relationship of history and cultural and civilizational processes with philosophy, a typology of two types of philosophy is proposed. More precisely, there are two types of philosophy of justice – “equivalence” and “qualification”. The first, unfortunately, is the most common in politics, especially European, Euro-Atlantic or rather Western, is one of the most significant causes of crises and wars, both in history and in modern times. It is the equivalence that, in fact, is synonymous with blood feud (talion), in which retribution becomes equivalent to a crime. In this case, each of the conflicting parties acts as a subject of law and considers itself an injured party. At the same time, one of the parties (as can be seen from the example of Europe when studying its history, especially the last 500 years of colonial history) considers itself to be the only source of rulemaking in the contractual coordinate system. Which in fact leads, without any exceptions, in the history and, most importantly, in the present, to the multiplication of conflicts and the rejection of peace negotiations in principle. Both the past and the present of the political, historical, civilizational, and cultural development of mankind testify to this. This is the philosophy of political solipsism. The qualification, or as it is called in Roman law – “humane justice in favor of freedom”, is more appropriate, as the experience of history in general and the historical development of Russia, in particular, with its multinational composition of statehood, which has preserved about 190 nations and nationalities during its centuries-old development, proceeds from the fact that the norm is not relative and it is not conventional, but has apodictic characteristic and it involves a long process of public-legal coordination of representative databases in the form of various socio-political relations (including conflict ones) in their correlation with the interests of conflicting subjects. And norms, the recognition of the universality and necessity of which on the part of the contracting parties is an indispensable condition for overcoming any crisis. This is the philosophy of political symphonism and synergy. When comparing the relationship between philosophy and history, philosophy and culture, it should be born in mind that it (philosophy) primarily carries the educational function, and at the same time the function of strategic planning, but not a predictive function. Otherwise, we get what can be called “parallel” or, as they say now, “block thinking”, unable to distinguish in the long term, medium-term, and even in the short term, the true and false types of progress, with all their consequences in the history of cultures and civilizations. Or what could be recognized as political solipsism, incapable of any interaction of cultures and negotiation processes in domestic affairs and international relations.

Keywords: history, civilization, culture, philosophy, politics, law, Russia, Europe, humanism, Christianity.

Введение. В последнее время повсеместно наблюдается прямо-таки лавинообразное обострение внимания по отношению к роли философии в современном мире. Особенно в условиях наблюдающихся попыток «отмены» русской культуры со стороны коллективного Запада, со стороны «золотого миллиарда» евроатлантических стран. Но эффект, как и в экономике, прямо противоположный. Россию «отменить» невозможно. И отрицательные последствия санкций возникли у их инициаторов. Кроме того, как известно, «запретный плод сладок», и интерес к России, несмотря на все запреты, – только растет. И это действительно так, потому что в истории культуры России, начиная с самых ранних памятников русской книжности (Нестор Летописец, Кирилл Туровский, Иларион, Даниил Поклонник и Даниил Заточник, Филофей и многие, многие др.) и до сего дня продолжается традиция, когда людьми разного возраста и звания, подчас в жарких спорах, обсуждаются «роковые вопросы» существования мира, Европы вообще и судьбы Отечества, России, в частности. Это именно философия истории культуры, художественно поэтического и религиозного свойства. Особо здесь хотелось бы обратить внимание на творчество Л.А. Тихомирова [11]. И потому – это философия, представлявшая всегда и представляющая сейчас, не взирая ни на что, особый интерес. И в России, и в Европе, и во всем мире. Как говорил Э. Дюркгейм – «фабулаторная» культура. И это при всем при том, что, несмотря на очевидные и всеобщие, постоянно и со всех сторон воспроизводимые призывы к припаданию к историко-культурным истокам, традициям, ценностям, духовности, патриотизму, идет парадоксальная политика, по факту – политика сокращения философии как дисциплины. И в плане курсов лекций, часов, аудиторий и даже самих философских факультетов и кафедр в институте высшей школы как таковой. Опыт истории показывает – как только для философии человечеством создаются трудности, сразу же трудности начинаются и у самого человечества, создающего, вопреки своим коренным интересам, трудности для своего осмысления (прежде всего философско-стратегического). В том числе трудности экономические, социальные и даже технологические. Это связано с тем, что философия несет прежде всего воспитательную, общекультурную функцию общего герменевтического восприятия любого творческого знания, в том числе и естественно-научного.

Об истории и философии. Итак, потребность была, есть и будет, скажем даже, в нарастающей прогрессии чуть ли не геометрического свойства, а возможности удовлетворения этой потребности, как это ни странно, все более и более ограничены, вплоть до чуть ли не приватности. Между тем о России как об особом культурно-цивилизационном образовании в истории говорили и Р.М. Рильке, и О. Шпенглер, и Ф. Бродель, и С.Ф. Хантингтон, и М. Вебер, и А.Дж. Тойнби, и К. Ясперс – «у них». И Ф.И. Тютчев, и А.С. Хомяков,

и А.С. Пушкин, и Ф.М. Достоевский, и Н.Я. Данилевский, и Л.А. Тихомиров – «у нас»; а также многие, многие другие отечественные и зарубежные философы, историки и культурологи.

Вопросов, именно «роковых», философских вопросов, и к философии со стороны общества, во-первых, и к философии, точнее, ее к представителям, к обществу и государству, во-вторых, накопилось предостаточно.

Некоторые из них обнадеживают и радуют, а некоторые (особенно со стороны самих философов) – откровенно настораживают, расстраивают, огорчают и даже разочаровывают, поскольку дают повод трактовать их как отстаивающих право на исключительность и так называемую свободу проживания в «башне из слоновой кости», с неясными обязанностями в связи с осуществлением тех или иных философских идей в истории и культуре и по отношению к обществу. И тут, главное, как говорится, не путать истинное любознательное с лжеименным разумом. Тут важно, как говорил В.С. Соловьев, не спутать истинную метафизику всеединства, под которой понимается способ устройства бытия, «в котором единство существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» [9, с. 74], с ложной, как сейчас говорят, гибридной, прокси-, псевдо- и т.п. лже-метафизикой «всеединства», отрицательного единства, которое подавляет или поглощает входящие в него элементы. В противовес истинному всеединству, охраняющему и усиливающему эти элементы, «осуществляясь в них, как полнота бытия» [Там же].

Философия либерально-демократического единства, как свидетельствует история и современность, защищает свободу. Но какую? Свободу грабить весь мир по своим «правилам», т.е. по своему произволу. На деле эта философия основана на колонизаторском, гегемонистском, плантаторском, рабовладельческом, экспансионистском проекте. Эта философия либеральной вседозволенности в своей сути очень точно и сильно критиковалась многими философами и историками: например, Платоном, Ксенофонтом, Фукидидом. Но наиболее показательны здесь новоникейцы, т.е. Святоотеческая восточно-христианская традиция православия. Вслед за ними – Е.Н. Трубецкой, А.С. Хомяков, и С.Н. Булгаков, и П.А. Флоренский, Н.О. и В.Н. Лосские, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, П. Сорокин, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев. Но тут и русская классическая художественная литература. Философская, по сути, литература, которую можно с полным основанием называть «поп-патристикой». Это Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой. Но особенно А.С. Пушкин¹, особенно Ф.М. Достоевский. Но и Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой.

¹ Вспомним хотя бы его гениальное в своей несравненной точности по форме и содержанию стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны» (о покаянной молитве преп. Ефрема Сирина): «Владыко дней моих! Дух праздности унылой, / Любоначала, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей; / Но дай мне зреть мои, О Боже, прегрешения / Да брат мой от меня не примет осужденья, / И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия

Итак, отметим:

1. Налицо историко-культурный раскол или противостояние, по сути – это конфликт философского, точнее, философско-религиозного свойства.
2. Если конфликт, то кого и с кем, и в чем причина? Вместе с тем налицо традиционное, то затухающее, то в стадии активации историко-культурное, цивилизационное противостояние. Точнее – воинствующая экспансия, не трансатлантической Европы против России, а язычества по отношению к христианству, которое в России все еще есть и позиции которого на Западе перед лицом язычества ослаблены. Ныне идет, как и встарь, борьба между теистическим гуманизмом христианства и атеистическим гуманизмом язычества. Борьба идет только с каноническим православием. Хотелось бы привести слова апостола Иоанна Богослова о тех или иных апостолах-еретиках, делающих, как это не раз бывало в истории, «цивилизационный выбор» в пользу вероотступничества: «Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши» (1 И. 71, 19).
3. Почему возникают искушения этого рода? Потому, что западное христианство – это язычество с христианской символикой. «Здесь и сейчас» постмодернизма – это ветхая идея культа настоящего в язычестве и в философии либерализма. И у этого культа главный – Либер, с его обрядами («оргазмические либералии» – особенно в гендерной сфере) в виде наслаждения «здесь и теперь».
4. Далее не будем закрывать глаза еще на один четкий вопрос, связанный, если называть вещи своими именами, с традиционной историко-культурной предвзятостью, даже неприязнью иностранцев, преимущественно из Европы, к России. В чем тут причина?
5. Не менее важный вопрос, связанный с само-неприязнью, доходящей до самоунижения и самобичеванья, начиная с Марфы Посадницы и В.С. Печерина («как сладостно Россию ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья» – это его слова) и до нынешних релокантов. Этот вопрос связан, по Н.Я. Данилевскому, с «европейничаньем» как особым отрицательным свойством нашей культуры. Он основан на мифе и идолопоклонстве перед земным раем язычества. В данном случае – в лице коллективного Запада. В чем тут причина?
6. Очень важно дать в этой связи именно философскую оценку реальных качеств Запада, как положительных, и они известны со времен

мне в сердце оживи» [7, с. 585]). А вот молитва двенадцатая преп. Ефрема Сирина: «Господи и Владыка жизни моей, не дай мне духа праздности, суетной пытливости, любоначала и празднословия, но даруй мне, рабу твоему, дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Ей, Господи, Царю, дай мне видеть свои грехопадения и не осуждать брата своего, потому что благословен Ты во веки веков! Аминь!» [8, с. 262].

петровских реформ и философских взглядов Герцена, так и отрицательных. Какие тут могут быть подходы, в том числе и историко-цивилизационного, культурного свойства? Можно назвать ряд авторов, которые искали ответ на этот вопрос, как это делал, допустим, А.С. Хомяков, но и Гоголь, Достоевский, Антисфен, и Монтень, Шпенглер, многие, многие другие мыслители. И даже тот же Герцен – один из сильнейших, кстати, обличителей западного культа «мещанского идиотизма».

Культура и философия. Что касается А.С. Хомякова, – наиболее в этом отношении показательного автора, то он видел следующие черты, порождающие в истории всякого рода конфликты, кризисы и противостояния вообще, и с любой стороны (не только между Россией и Европой) – в особенности. Просто некоторые черты, как он полагал, особенно свойственны западным народам. Это, например:

- I. Гордость духовная и умственная, происходящая в истории у народов чаще всего от действительных внешних успехов и славы.
- II. Запад обрел эту гордость по причине исторической ограниченности от тех испытаний, которые выпали на долю других народов и, особенно России. Отсюда западное преуспеяние в развитии наук, художеств и гражданственности. Добавим: а не в каком-то трудолюбии, предприимчивости, классовой борьбе или благодаря пролетариату, буржуазии, «праздному» или «среднему» классу.
- III. Отсутствие благодарности и смирения, без которых милости и благополучия не может ждать ни человек, ни народ – также весомая причина неурядиц в истории. Кстати, добавим, если Европу Россия спасла от «золотой орды», то США дважды спасла (при Екатерине II и во время гражданской войны в США) от Англии и континентальной Европы. Но в случае неблагодарности и заносчивости, по А.С. Хомякову, как раз и надо, как не раз показывала история, устрашать другие народы, распространять свои взгляды, иногда без правды, – таково стремление. Вводить суд и правду, укрощать насилие сильных, защищать слабых и беззащитных, очищать нравы, возвышать дух кажется бесполезным. (Подробнее см.: [12, с. 472–497]). Смеем утверждать: в любом случае, когда говорят: мы самые лучшие и избранные и все нам должны, а иначе – будут санкции и военные бомбардировки за «авторитаризм», «тоталитаризм» и «отсутствие демократии», или мы самые худшие и «что бы мы ни делали, у нас не идут дела»; а наша участь – подражать лучшим, «цивилизованным» странам и «учиться, на старших глядя», то главное здесь не «лучшие» и не «худшие». Главное тут – «самые-самые». Это все та же гордость как причина всяческих неустroенных в истории как со стороны западных стран, так и со стороны их прозападных в других странах сторонников.

7. Важным также является вопрос, требующий, опять-таки, ясных философских дефиниций, о том, что для Запада мы действительно – «экзистенциальная угроза». Так как не хотим быть сырьевым придатком Запада. Так, Китай не хочет быть сейчас индустриальным придатком, и это «восстание придатков» без последствий никогда не обходится. И вот тут возникает еще один справедливый философский вопрос, на который сами философы смотрят как на самоочевидный, не требующий доказательств, а на деле – первостепенный и нуждающийся в предельной ясности и проработки. А что же все-таки такое – философия и чем она, в конце концов, занимается?

Сейчас же многие философы, справедливо отмечая непростую ситуацию и сложные, как говаривал М. Вебер, «конstellации», утверждают только право на свободное творчество, генерацию возвышенных идей самого разного толка и все, своего рода философию авангарда, как некогда, т.е. «искусство ради искусства». «Философия ради философии» с наличием права и «другого» для проживания в «башне из слоновой кости». Главное – это «свобода сомнения», без выдвигания конструктивных вариантов. Остальное – совсем не дело философии. Да любой физик, естествоиспытатель, не говоря уже об обычных гражданах – будет в ужасе от такой методологии научных исследований!

Но не надо путать софистику как риторику с философией как с наукой о конечных сущностях-первопричинах, имеющих стратегические последствия, том числе и исторические. Иначе философию действительно, как это уже не раз бывало в истории культуры, упразднят или опять вернут в лоно изящной словесности.

Религия, философия и культура. Вспомним, у св. Иоанна Дамаскина в «Источнике знания» в главе 67 целых шесть определений философии:

1. Философия есть познание сущего как такового, т.е. природы сущего.
2. Философия есть познание божественных и человеческих вещей.
3. Философия есть помышление о смерти произвольной и естественной.
4. Философия есть уподобление Богу в возможной для человека степени. При этом мы уподобляемся Богу через справедливость, святость и добро. Справедливость состоит в правильном распределении, т.е. в том, чтобы не наносить обид, никого не судить по пристрастному произволу, но каждому воздавать по его делам. Святость – выше справедливости и совпадает с добром, состоя в том, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикам и даже благодетельствовать им при своих победах, не давая себя в обиду тем, что называется «пораженчеством» и отстаивая свое право на существование. Здесь, как известно, в полемике с Н.А. Бердяевым, И.А. Ильин и В.Ф. Эрн продолжают традицию «мужественного Христианства», как истинного в православии.

5. Философия есть искусство из искусств, в том числе и изящных, в том числе и словесных. Ибо философия есть не просто и не только искусство, а начало как основа всякого искусства, т.к. ею было изобретено всякое искусство.

6. Философия есть любовь к мудрости, а истинная Премудрость есть Бог. Таким образом, любовь к Богу – вот истинная философия.

При этом св. Иоанн Дамаскин разделяет философию на теоретическую и практическую. Теоретическая разделяется на богословие, математику и физиологию. Как уточнил эту мысль другой учитель православия, Лука Войно-Ясенецкий: медицина – самая точная наука, но после богословия. Кстати, его труды по гнойной хирургии были не только отмечены в науке и политике, но и спасли многим и многим нашим военным жизнь во время Великой Отечественной войны. Математика же, по св. Иоанну Дамаскину, разделяется на арифметику, музыку, геометрию и астрономию. «Практическая философия разделяется на этику, экономику и политику. Теоретическая философия имеет свою задачу рассматривать бестелесное, нематериальное, т.е. Бога, Который, прежде всего, и в собственном смысле бестелесен и нематериален» [2, с. 74]. В Патристике установлен «перихорезис» – дано чудо самостоятельного и свободного стремления к Богу. В любом случае говорить о философии с точки зрения экклезиофобии и «свободы» от религиозных догматов, как это сейчас иногда делается в пылу дискуссий – совершенно и в корне не верно.

Старая классическая, казалось бы, прописная историко-философская истина гласит: философия без истории безродна, а история без философии – бесплодна. Не менее и даже еще более справедливо это звучит в связи с богословием, но чуть иначе: философия без богословия бесплодна. Но и богословие без философии – безродно. Православие как раз неразрывно и нераздельно предлагает знать, во что ты веришь, имея представление о вероучительных устоях, на которых может быть незыблемым то или иное знание. Как говорил св. Иоанн Дамаскин в соответствии с тем, что утверждали и новоникейцы (св. Василий Великий, св. Григорий Нисский): «Если же любопытствуешь относительно Бога, то прежде всего скажи мне о самом себе и о том, что касается тебя самого. Как существует твоя душа? Как движется твой ум? Как рождаешь ты слово? Как существуешь ты, смертный, и в то же время – бессмертный. Если ты не знаешь того, что внутри тебя находится, то как не содрогнешься исследовать высшее небес» [2, с. 106].

Мы видим: сколько у философии коннотаций, делающих ее незаменимой и притягательной как для специалистов, так и для рядовых граждан: естественно-научная, историко-культурная и художественно-поэтическая, социально-экономическая, политико-юридическая, даже – медицинская и управленческая; но и многие, многие другие составляющие. И каждый

случай употребления смысла требует ясных оценок и акцентов. Философия – междисциплинарная наука. Иначе, как говорил В.С. Соловьев, без механизмов своего осуществления сколь угодно прекраснодушный философский идеал-высказывание превращается в пустословие.

Более кратко и, естественно, в методологических целях большей доходчивости философию определил Юстиниан, содержательно объединив ее с юриспруденцией (букв.: «всестороннее размышление о сущностях»). И в этом – согласие и античной, и христианской философских традиций. Задача: остановиться на том, «что составляет сущность вещей» [3, с. 12–13]. И далее этот философ на троне уточняет: «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое. Наука права есть знание божеского и человеческого, умение отличать справедливое от несправедливого... Недостаточно ведь знать права, если игнорируются лица, ради которых они установлены» [3, с. 15, 21].

Еще более точное и краткое понимание в методологических целях системности, целостности и универсализма высказываний в определении философии давал В.В. Миронов: «Философия изучает природу, т.е. сущность идеального объекта». И это действительно очень емко, поскольку в конечном счете, по известному уточнению Л.И. Петражицкого, любое сколь угодно эмпирическое высказывание есть совокупность абстрактных, т.е. философских суждений. Другое дело, что в истории, особенно в истории политики и в религии необходима постоянная корреляций смыслов, субъектов, волеизъявлений, чувств и дел на примере, повторяем, тех или иных фактов и событий истории. И только в этом случае, добавим, возможно отличие сущностного, т.е. общезначимого, объективного, аподиктического, эвристического, эпистемологического знания как знания проблемного – отличие от знания пристрастного, сиюминутного, быстро преходящего, субъективного, поверхностного, доксографического.

В истинно философском высказывании должны быть зафиксированы по крайней мере три коннотации, касающиеся знания: а) рефлексий-мыслей; б) действий; в) субъектов, которые мыслят и действуют. При этом особую «философичность» философии в силу ее особого, т.е. междисциплинарного статуса придает именно история. Поскольку, повторяем, именно историко-культурная, цивилизационная оптика делает философию понятной, т.е. предметной и актуальной при любом, сколь угодно трудном (как у Дильтея или у Коллингвуда, или у Тихомирова) стиле изложения. И если идет речь о фактах прошлого, репрезентирующих философский дискурс, то перед нами философия истории, а если о современности – то следует говорить о специализации в области философии политики и права. Если при этом речь идет о долговременных прогнозах, то в наличии философская эсхатология, философия религии, богословие.

Поэтому, когда говорят: «не вторгайтесь» в нашу специфическую философскую область – это на деле оборачивается тем, что и сами философы сами же на себя налагают совершенно неудобноносимое бремя цензуры. А самая несносная цензура в виде предвзятых идеологических препон – то, как известно, самоцензура. А ведь философия в силу своего не просто междисциплинарного свойства, а прежде всего в силу межгерменевтического предназначения уже есть «призвание как профессия», говоря языком социолога, экономиста, философа, религиоведа М. Вебера.

Философия именно и призвана осуществлять миссию посредничества и постоянно именно «вторгаться» – в экономику, социологию, право, политику, богословие, естественные науки, помогая им найти общий язык и между собой, и в проведении диалога с гражданским обществом. Философия должна быть предметной, репрезентативной, и тем самым делать себя понятной. А не только исследовать те или иные идеи «чистого разума» и «абсолютного сознания» самого по себе в лице тех или иных мыслителей. Тот же И. Кант, в конце концов, считал свою «Критику чистого разума» всего лишь пропедевтикой к нравственности и праву и, как оказалось, – к религии. Об этом он и дал ясно понять в своей «Метафизике нравов» [6, с. 107–438]. Особенно в ее первой части «Метафизика права» и в учении об «амфиболиях» любых рефлексивных понятий, которые уже изначально несут в себе самообязывающее долженствование и безусловное повеление, несмотря ни на что. Опровергнув все способы Богооправдания, он именно в нравственности и праве нашел главные аргументы для теодицеи.

Сейчас же нравственность и право – это не только предмет академических дискуссий, но и условие выживания человечества. И «локальными нарративами» в духе либерального проекта пост-модерна с его атеистическим гуманизмом, воинственным гуманизму теистическому, проблемы здесь не решить. Последний делает акцент на онтологии объективности, а первый отвергает общезначимость монотеизма и, выдвигая плюрализм истин, утверждает именно гносеологический, а следовательно, и исторический, политический анархизм с его апологетикой субъективизма. Чаще всего в виде эмоционально-психологических, психопатических состояний. Однако и прошлое, и настоящее показывают – релевантность и конвенционализм проблем здесь не решают.

Любое философское суждение именно троично, т.к. в любой сфере деятельности, особенно в кризисной ситуации (как говорят – на войне и в самолете атеистов нет), должно быть понятно и именно всем несмотря ни на какой «плюрализм истин». 1. Что является причиной как источником чего бы то ни было. В том числе и кризиса нестроения. 2. Как это что-то осуществлено и проявилось. 3. И в чем смысл того и другого. В религиозной философии, особенно в Патристике это воплощено ипостасно в Отце, Сыне

и Святом Духе. Но если Бог есть жизнь, свобода и творчество. О чем, собственно, и говорит Церковь. И если это кому-то не нравится, то следует помнить – будет альтернатива. Точнее – не будет жизни, творчества и свободы. А если и что-то будет – то их превратное истолкование, выдаваемое за ценности в виде антиценностей смерти, порока и зла. И это, как утверждал в духе новоникейцев св. Иоанн Дамаскин: «...непреложно, неслиянно, неизменно, нераздельно и неразлично» [2, с. 192]. Человечество, полагал св. Иоанн Златоуст, само поместило себя в бушующее море осложняющих его жизнь событий и превратных стечений обстоятельств. Но, так или иначе, невозможно переплыть море без корабля. И св. Иоанн Златоуст полагал, что Святая Христова Церковь в мире – то же, что корабль в море. Господин этого духовного корабля – Сам Всемогущий Бог Отец. Кормчий – Единородный Сын Его; благоприятный ветер – Дух Святой; подчиненные правители этого корабля – Апостолы и преемники их, пастыри и учителя церковные. Плывущие на этом корабле – все правоверующие христиане. Дно и основание этого корабля есть правая вера во святую Троицу... Мачта – святой крест Христов, которым в Церкви все скрепляется и утверждается; паруса – любовь; якорь – надежда. Этот духовный корабль – Церковь, которую св. Иоанн Златоуст считал ответственной как институт за эсхатологическое служение, в том числе и в виде рефлексии, человечеству; из разных стран перевозит через бушующее житейское море всех правоверующих христиан в Небесное Царство... Поэтому-то, полагал св. Иоанн Златоуст, служение епископа сложнее, чем отшельничество [5, с. 403–492].

А вот замкнутая умозрительность, да еще и неопределившаяся в своих статусно-ролевых и институциональных функциях по отношению к «людям в бушующем море» приводит или к утопизму как стремлению к недостижимым целям, или к самодовольному прагматизму. Точнее – анархизму, еще точнее, анархо-синдикализму в виде корпоративного супрематизма и экцепционализма. Когда есть одни права и нет никаких обязательств и обязанностей. Но и утопизм, и анархизм, несмотря ни на какие благие пожелания и намерения, по факту, в конце концов, как определенная философия или, скажем так, «философообразные регулятивы» оборачиваются трагедией и разрушают жизнь людей. И если говорят, что философия – это свобода, свобода творчества, то должно помнить, что свобода – это не только «свобода от», но и «свобода для» (по Канту). Свобода – не только положительная свобода, свобода добра, но и свобода зла, негативная свобода, проявляющаяся в виде тех же девиаций, катаклизмов, цивилизационных крахов и кризисов. «В самом деле, – говорит св. Иоанн Златоуст, – гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу» [4, с. 34]. А возбудить веру в душах «гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого» [Там же]. Почему же не верят,

спрашивает он? Прежде всего, потому, что свободны и не хотят! [4, с. 299]. «Итак, веруй по той самой причине, по которой не веришь» [4, с. 698]. И нигде так дорого зло не обходится, на этом собственно и настаивают историки всех времен и народов (начиная от Светония, Полибия, Тита Ливия, Плутарха до В.О. Ключевского, Ф.И. Успенского, также Р.Ю. Виппера, Э. Гиббона, И.Г. Дройзена и многих, многих других) как в философии. Точнее – при ее, философии, отсутствии в истории.

Эта позиция точно определена св. Василием Великим, который отметил, что «кто смотрит на зло без отвращения, тот скоро станет смотреть на него с удовольствием. Особенно опасно, когда человек хвалится в том, что на деле гнусно, и он не в состоянии это видеть, т.к. находит «славу в самом стыде» [1, с. 82]. И каков же выход, именно философский в том числе: «А если избегнем низкого понятия, то уничтожится и нелепость противоречия» [1, с. 51]. Опасность же между тем в том, что многие, советуя то или иное людям, «разжижают, – пишет св. Василий Великий, – слово водой», примешивая собственную мысль, ко вреду слушающих. «Ибо, служа их удовольствиям и угождая льстивыми речами, питают их страсти на их же погибель. Ослабляя, что в Писании строго, сильно и с пользой обуздывает, и к погибели слушающих допускающая какое-то невежественное человеколюбие, безрассудное извинение грехов и иное подобное, нравящееся многим, более и более расслабляют они души сластолюбцев» [1, с. 70].

Прогноз и философия. И последнее – о прогностических ролевых функциях философии. Точнее – о философии прогноза. Сразу при этом отметим, что главная ее (философии) функция другая – именно пропедевтическая как воспитательная. Точнее, историко-культурная и цивилизационная педагогика, как страхование от одичания, как воспитание творческих мыслительных способностей междисциплинарного характера. В том числе и в естественно-научной, технологической области. Как это отмечено Достоевским, без красоты – гвоздя не выдумаете. Красота мысли, точнее, ее воспитание на примере исследования конечных сущностей всего и вся – и есть прерогатива философии. Что касается функции прогноза как проявления творчества, то можно говорить, на наш взгляд, о двух видах прогноза.

1. Это историко-футурологический, по сути, языческий подход. За истину принимается пристрастное, предвзятое самомнение, чаще всего, эмоционально-страстное и художественно-поэтическое, как, прежде всего психопатическое. Это субъективное предположение. Такой политический солипсизм может сбываться, и тогда о таких гаданиях с неясной методикой выбора репрезентативной базы данных и об их авторах помнят. Но объективности, устойчивости, общезначимости, аподиктичности здесь нет. Но, как справедливо полагал Аристотель, все великие смыслы можно передать спокойным голосом, а не в воодушевлении безумия. Кстати,

заметим, чемпионами по сбывшимся прогнозам в истории человечества относительно будущего этого самого человечества были именно литераторы – Г. Уэллс и Жюль Верн. Но о себе при этом они ничего не предугадали.

2. Историко-социологический анализ истории и современности, собственно христианский прогноз как дар прозорливости и пример стратегического планирования, с фантастикой не имеющий ничего общего. Св. Василий Великий считал: не любопытствуй о будущем, но с пользой располагай настоящим. Его брат, св. Григорий Нисский, продолжал: почему-то с помощью гаданий, прорицаний, вдохновения и многих других ухищрений ободряются тем, что толкования знамений позволят заглянуть в будущее, чтобы избежать бед или достигнуть желаемого. Что опять-таки в лучшем случае тщетно, а в худшем, – оборачивается самыми печальными последствиями.

Вспомним, все продуктивные, устойчивые прогнозы, имеющие не просто характер осуществленности, а прежде всего являющиеся эффективными в своей предостерегающей рекомендации от возможных ошибок, уже осуществлены. Или в виде неправильных решений, или в виде успеха и историко-стратегической продуктивности. И не только в смысле политическом или нравственном. Но насущно-судьбоносные в своей эсхатологичности и сотериологичности. Имеющие в первую очередь именно настоящее, современность в виде репрезентативной базы данных. И пророки, и апостолы, и святые, имеющие дар прозорливости, говорили и говорят буквально следующее: перед вашими глазами происходили и происходят те или иные тренды, те или иные исторические и культурные изменения в жизни человечества, в социальной, нравственной, религиозной, политической, экономической и т.п. областях. Одни при этом желательны, другие – нет. Одни из них вам нравятся, другие вызывают тревогу. Но одни из них – причины. А другие – следствия! И если вы будете делать так, как вы уже действуете, то будете иметь вот такие и такие последствия, которые тоже имеете перед собой. А если по-другому, то вот – такие. И они тоже есть у вас! Выбирайте! Короче говоря, будете сидеть на раскаленной сковородке, – получите ожог, а если будете соблюдать правила техники безопасности и станете употреблять сковородку по назначению, то получите прекрасное жаркое и не будете наслаждаться тем, чем надлежит только пользоваться и станете наслаждаться тем, чем вы теперь только пользуетесь. Но при этом не сетуйте на какие-то внешние обстоятельства или на какую-то силу, или судьбу и не говорите, в оправдание своих ошибок, что может раньше эти Заповеди и действовали, а теперь они устарели. Не говорите: за что мне это? Но вопрошайте: для чего мне это? И хотя бы иногда, но вспоминайте о философии *perennis*, а не только о философии *transitus*.

Да, мы, конечно, живем на земле и хотим при этом, естественно, жить по-земному. Только не надо забывать, как говорил св. Феофан Затворник, что на земле мы на время, и короткое. И, стало быть, хоть мы и земные, но не для земли получили бытие. В конце концов следует помнить: очень часто, как свидетельствует история, отдельные люди и даже целые цивилизации испытывают историю, ее опыт и традиции на прочность. Чем это заканчивается? Кризисами. Традиции начинают испытывать на прочность людей. Опыт предостережения от кризисов – это тоже то ценное философское знание, которое дается людям историей.

Заключение. При соотношении взаимоотношения философии и истории, философии и культуры следует иметь в виду, что она (философия) несет на себе прежде всего функцию воспитательного свойства. И вместе с тем функцию стратегического планирования. А не прогностическую функцию. В противном случае мы получаем то, что можно назвать «тоннельным» или, как сейчас говорят, «блоковым мышлением», не способным различать в долговременной, среднесрочной, и даже – в краткосрочной перспективе истинный и ложный виды прогресса, со всеми их последствиями в истории культур и цивилизаций. Или политическим солипсизмом, не способным ни к какому взаимодействию культур и переговорным процессам во внутригосударственных делах и международных отношениях.

Шамиурин Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4

Viktor I. Shamshurin – Sc.D. in Social science, Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

shamshuriny2@mail.ru

Шамиурина Нина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Первого МГМУ им. И.М. Сеченова.

119991, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, стр. 4.

Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования.

125993, Россия, Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1.

Nina G. Shamshurina – Sc.D. in Economical sciences, Professor, Department of Medicine Sociology, Economics of Healthcare and Health Insurance, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University.

119991, 2/4 Bolshaya Pirogovskaya str., Moscow, Russia.

Russian Medical Academy of Continuing Professional Education.

125993, 2/1, building 1 Barrikadnaya str., Moscow, Russia.

shamshurina8@mail.ru

Список литературы

1. Василий Великий св. Толкование на книгу пророка Исаии. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. 413 с.
2. Дамаскин, Иоанн св. Источник знания. СПб.: Наука, 2006. 358 с.
3. Институции Юстиниана. М.: Зерцало, 1998. 399 с.
4. Иоанн Златоуст св. Беседы на послание к ефесянам // Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Т. IX. М.: Ковчег, 2006. 912 с.
5. Иоанн Златоуст св. О Священстве // Творения св. Отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Изд. СПб. Духовной Академии, 1898. 900 с.
6. Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
8. Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Молитва. М.: Сибирская Благовонница, 2016. 700 с.
9. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Соч. В 10 т. 2-е изд. Т. 7. 1914. СПб.: Просвещение, 1911–1914. 389 с.
10. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 824 с.
11. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Фонд ИВ, 2007. 808 с.
12. Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Хомяков А.С. Учение о Церкви. СПб.: Русс. Симфония, 2011. 608 с.

References

1. Vasilii Velikii Sv. Tolkovanie na knigu proroka Isaii. M.: Izd-vo Moskovskogo podvoria Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 2002. 413 s.
2. Damaskin, Ioann Sv. Istochnik znaniia. SPb.: Nauka, 2006. 358 s.
3. Institutsii Iustiniana. M.: Zertsalo, 1998. 399 s.
4. Ioann Zlatoust Sv. Besedy na poslanie k efesianam // Sviashchennoe Pisanie v tolkovaniakh sviatitelia Ioanna Zlatousta. T. IX. M.: Kovcheg, 2006. 912 s.
5. Ioann Zlatoust Sv. O Sviashchenstve // Tvoreniia Sv. Otsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopolskogo. 2-e izd. T. 1. Kn. 2. SPb.: Izd. SPb. Dukhovnoi Akademii, 1898. 900 s.
6. Kant I. Soch. V 6 t. T. 4. Ch. 2. M.: Mysl, 1965. 478 s.
7. Pushkin A.S. Sochineniia. V 3 t. T. 1. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1985. 735 s.
8. Efrem Sirin, prepodobnyi. Tvoreniia. Molitva. M.: Sibirskaiia Blagovonnitsa, 2016. 700 s.
9. Solovev V.S. Pervyi shag k polozhitelnoi estetike // Solovev V.S. Soch. V 10 t. 2-e izd. T. 7. 1914. SPb.: Prosveshchenie, 1911–1914. 389 s.
10. Solovev V.S. Obshchii smysl iskusstva // Solovev V.S. Soch. V 2 t. 2-e izd. M.: Mysl, 1990. 824 s.
11. Tikhomirov L.A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii. M.: Fond IV, 2007. 808 s.
12. Khomiakov A.S. K serbam. Poslanie iz Moskvyy // Khomiakov A.S. Uchenie o Tserkvi. SPb.: Russ. Simfoniia, 2011. 608 s.